

Василюк Ф.Е.

**ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ
СЕРТИФИКАЦИЯ: ВРЕМЯ ПОШЛО**

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. Психотерапевтическая сертификация: время пошло
[Текст] / Ф.Е. Василюк // Московск. психотерап. журнал. – 1999. – № 2.
– С. 168-176.

Ф.Е.ВАСИЛЮК

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ СЕРТИФИКАЦИЯ: ВРЕМЯ ПОШЛО

*Сертификация – от лат. certum верно
+ facere делать*

(Словарь иностранных слов)

Психотерапевтическая весна в Москве в этом году выдалась бурная. Лед затрещал в самом конце февраля на конференции «Психотерапия сегодня», проводившейся Профессиональной психотерапевтической лигой. Конференция так энергично поставила актуальнейшие вопросы профессиональной жизни и так, на мой взгляд, плохо на них ответила, что «разности потенциалов» между важностью проблем и неудовлетворительностью решений хватило на то, чтобы круг известных московских психотерапевтов за одну весну 6 раз (слыханное ли дело!) собирался для обсуждения классических «Кто виноват?» и «Что делать?».

С первым вопросом, как водится, трудностей не возникло, виноват у нас всегда Президент. В данном случае Президент ППЛ Виктор Викторович Макаров. О том, «Что делать?», на заседаниях «Психотерапевтического цеха» жарко спорили, но общим итогом было: **СОЗДАВАТЬ РОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ СЕРТИФИКАЦИИ ПО ПСИХОТЕРАПИИ.**

Поскольку возможность выступить на страницах МПЖ была предоставлена всем участникам «Психотерапевтического цеха», и некоторые коллеги возможностью этой воспользовались, я поделюсь лишь личными мнениями и соображениями.

Какие же, собственно, проблемы психотерапевтического сообщества были «наэлектризованы» упомянутой конференцией ППЛ и затем стали предметом дискуссий «Психотерапевтического цеха»? Во-первых, это проблема идентичности самого сообщества. Во-вторых, проблема профессионального образования. И, в-третьих, проблема сертификации.

Проблема идентичности имеет два аспекта: внешний и внутренний. Во внешнем аспекте психотерапевтическое сообщество должно ответить на вопрос «кто мы?» перед лицом всего общества и государства (в лице «заинтересованных» министерств – здравоохранения, образования и соци-

альной защиты, а также Государственной Думы, где должен быть принят закон о психотерапии^{*}).

Во внутреннем аспекте требуется определить «кто мы» перед лицом отдельного психотерапевтического «я», т.е. человека, желающего подтвердить свою отнесенность к цеху, войти в это «мы». ППЛ проявила здесь необыкновенную широту натуры: скромный денежный взнос, вполне условная (а по факту – необязательная) рекомендация от двух членов Лиги, и ты счастливый обладатель чуть ли не гербовой бумаги, свидетельствующей о твоей принадлежности к Профессиональной психотерапевтической лиге. Даже в комсомол вступать было в свое время сложнее. В ППЛ берут всех – от студентов до колдунов, с благими намерениями первых воспитывать (что ж им беспризорниками-то ходить, дожидаясь получения профессионального образования), а вторых – перевоспитывать. Лидеры ППЛ пугают цифрами: колдунов чуть ли не в десятки раз больше, чем психотерапевтов. Что с ними делать? Ведь не успеем оглянуться, как всех наших пациентов сглазят, наведут или снимут порчу, исцелят по фотографии, несговорчивых невест приворожат, сбежавших мужей обналичат. Ну что делать? А пусть заплатят взносы, войдут в наше приличное общество (виноват – лигу), выучат про перенос-контрперенос, про «руки теплые и тяжелые» и начнут постепенно добреть, а затем и вовсе, глядишь, разоружатся – зелье выльют, ворожбу забудут, карты порвут, воск переплавят на памятник Фрейду и пойдут стройными рядами на должности психотерапевтов в районные поликлиники.

Но шутки шутками, а от того, насколько строгими являются критерии членства в профессиональной ассоциации, всерьез зависят и судьба самой ассоциации, и ее влияние на все профессиональное сообщество. Ведь критерии членства прямо связаны со всей «критериологией» профессии – и в деле образовательных стандартов, и в системе лицензирования и сертификации, и в системе оценки качества психотерапевтических услуг. Чарующая легкость вступления в ППЛ многим пришлась по вкусу, и руководство лиги поспешило

---

^{*} Разработка проекта этого закона началась в мае 1999 под руководством профессора Б.Д. Карвасарского, Президента Российской ассоциации психотерапевтов (РАП). ППЛ и РАП резко различаются по исходным принципам и при сохранении дипломатических отношений объективно являются объединениями, конкурирующими за право считаться Главной Общероссийской Психотерапевтической Ассоциацией.

объявить ее самой крупной в России психотерапевтической ассоциацией. Я не исключаю, что она самая крупная не только в России, но и в мире (что нам мелочиться!), но стоило ли называть при этом лигу профессиональной? Разве что под профессионализмом имеется в виду желанная перспектива, а не обязательный уровень требований к кандидатам.

Абсолютная проницаемость границ создает опасность гигантизма и профанации, но, казалось бы, – это лишь внутреннее дело самой ППЛ. Однако, такое «безвизовое» попадание в профессию способно дискредитировать и всю психотерапию как таковую в глазах общества. Увидев на стене у какого-нибудь экс-колдуна (а то и не экс) красивый диплом Профессиональной (не какой-нибудь любительской) психотерапевтической лиги, здравомыслящий человек может подумать о нашей профессии: если это сливки, то что же молоко? Руководство ППЛ – надо отдать ему должное, – кажется, услышало критику коллег и пытается ошибку компенсировать, вводя наряду с обычным членством иерархически более высокий статус «действительного члена ППЛ». Но, увы, все это уже довольно нескладно (не станет же неосведомленный потребитель психотерапевтических услуг, попавший на прием ко второкурснику, члену ППЛ, интересоваться, действительный ли он член или так себе, обычный), и потому претензии ППЛ на статус зонтика, укрывающего всех российских психотерапевтов от Калининграда до Чукотки, выглядят явно преувеличенными.

И, тем не менее, ППЛ дала какой-то, пусть и несовершенный, опыт организационного решения проблемы идентичности психотерапии, от которого можно оттолкнуться. Если ставить проблему эту по существу и не соглашаться считать психотерапевтом каждого, кто готов заплатить членские взносы, то мы неизбежно должны будем обратиться к двум связанным, но не совпадающим критериям профессиональной идентичности – критерием образования и критерием мастерства.

Проблема образования

По первому из них психотерапевт есть всякий, кто получил соответствующее образование, прослушал столько-то лекций, набрал столько-то часов супервизорской и самостоятельной практики и т.д. И ППЛ, и ее организационный антипод – Российская ассоциация психотерапевтов выдвигают разные, но в обоих случаях очень высокие требования к объему психотерапевтического образования – 3000-4500

академических часов специальной подготовки. В подобных установках отрадна ориентация на проверенные западные стандарты, на преодоление опустошающей душу «воркшоповщины» и организацию долговременного систематического обучения психотерапии. Однако, попытаемся спроецировать заявленные объемы образования на плоскость реальности. У нас, на факультете психологического консультирования и психотерапии МГППИ есть опыт обучения молодых специалистов с базовым университетским психологическим образованием по 3,5-летней программе последипломной подготовки по психотерапии, созданной и реализованной ведущими московскими психотерапевтами. При немалой интенсивности учебного процесса (в среднем 15 академических часов в неделю) и при неплохих результатах теоретической и технической подготовки слушателей программа, с точки зрения формальных объемов образования, принесла участникам всего-навсего 1700 часов. Сколько же должен учиться человек, у которого нет ни базового психологического образования, ни столь редкой возможности на протяжении трех с половиной лет каждую неделю 15 часов (считаю только аудиторное время) посвящать изучению психотерапии? Этот пример наглядно показывает, что для получения 3000-4500 часов понадобится 7-9 лет такого интенсивного обучения. Не слишком ли высока планка требований ППЛ и РАП?

Это, конечно, вопрос не абстрактно-количественный, а вопрос создания оптимальных, взвешенных базовых программ и программ непрерывного образования по психотерапии. Здесь нужны здравые и адекватные нашей реальности критерии. Что же до объемов, мой опыт преподавания показывает, что человек, имеющий высшее психологическое образование, может получить «допуск» к психотерапевтической практике (обязательно с систематическим супервизорским контролем и желательно в организации, где работают квалифицированные специалисты) после 500-700 аудиторных часов последипломного образования.

Длительность образовательных программ – дело существенное, но все же нужно избавиться от магии цифр. Глядя на длинный перечень прослушанных иным активистом психотерапевтического самообразования курсов, пройденных тренингов, на целую колоду «сертификатов участия», невозможно решить в практическом отношении единственно важный вопрос – можно ли рекомендовать пациентам к нему обращаться. Мне приходилось видеть роскошные дипломы с тисненными орлами на обложке, во вкладыше которых вы-

писан полный перечень психотерапевтических школ и против каждой из них красуется трехзначное число: психоанализ – 300 акад. часов, психодрама – 200, гештальттерапия – 200 и т.д. Что можно сказать об образовании такого специалиста? Ничего, потому что часы часам рознь. Качество образования зависит от того, насколько глубока и продумана образовательная программа и учебный план, от того, кто вел занятия – опытный ли мастер или вчерашний студент, от того, какими пособиями и учебными средствами обеспечена программа, и, наконец, от одаренности и мотивированности обучающегося.

Хоть и сложно, а нужно находить критерии оценки качества, а не одного лишь количества психотерапевтического образования, но даже и оно (качество) не решает прямо последнего и самого важного вопроса – каков уровень профессионального мастерства специалиста. Ведь известно, что вчерашний отличник отнюдь не всегда лучший профессионал.

Проблема сертификации

Ответ на вопрос о реальном уровне профессионализма может дать система сертификации. Я сторонник серьезного, длительного, систематического образования в психотерапии. Но, в конце концов, если придет из каких-нибудь Новых Холмогор психотерапевтический самородок, который освоил в оригинале собрания сочинений от Фрейда до наших дней, блестяще владеет психотерапевтической техникой, способен к тонкой и точной рефлексии терапевтического процесса и сам является зрелой и цельной личностью, то почему бы ему не получить психотерапевтический сертификат и безо всякого формального образования. Ведь что такое, вообще говоря, сертификат? Сказать «товар сертифицирован» значит указать на то, что эксперты подтверждают соответствие его принятым стандартам качества. Получение кем-то психотерапевтического сертификата должно означать, что авторитетные специалисты с помощью известных процедур удостоверились, что имярек является хорошо подготовленным профессионалом и свидетельствуют об этом.

Разговоры о необходимости сертификации в психотерапии идут у нас уже второй десяток лет, но, как правило, они упирались в сакраментальное «А судьи кто?», и дело с мертвой точки не сдвигалось. Вряд ли препятствие это было так уж непреодолимо, скорее истинная причина состояла в том, что без сертификации можно было обходиться. Количество психотерапевтов было настолько невелико, что они напоминали одиноких охотников в необъятной тайге и могли ле-

чить, тренировать, издавать, учить и переучивать, почти не рискуя столкнуться с конкурентами. Но бурная эта деятельность за последние лет 15 не прошла даром, ее главным плодом стало превращение психотерапии и психологического консультирования чуть ли не в массовую профессию. Там же, где множество людей занимаются сходной профессиональной деятельностью, вступая в сложную систему жизненно значимых отношений (сотрудничества, конкуренции, власти и подчинения, передачи профессионального опыта и пр.), неизбежно должны вырабатываться цеховые правила игры (формы социальной организации, согласование терминологии, стандартов и пр.). Именно массовость, на мой взгляд, – основа «исторической неизбежности» развития системы сертификации в области психотерапии.

ППЛ и здесь по-наполеоновски «ввязалась в бой, а там посмотрим». Главный приз сертификационной кампании ППЛ – Европейский сертификат по психотерапии. Пряник, что тут скажешь, хорош и печатается не в Туле, а в самом Лондоне, да причем по заказу из Вены. Печатный пряник такой, конечно, не для потребления – в Лондоне с ним на работу не устроишься, да и в Туле главный врач ПНД, повертев задумчиво в руках документ сей, вряд ли преисполнится желанием дать обладателю 18-ый разряд или прибавку к зарплате. Но не для выгод он нужен и не для престижа даже, это – заветное: зачем мила русскому человеку быстрая езда – не для того ведь, чтобы успеть по делам, а – для души, для вольной воли, для «знай наших», наконец. Словом, какой же русский сердцем психотерапевт не полюбит Европейский сертификат!

Европейская ассоциация психотерапии (избравшая ППЛ своим полномочным представителем в России) тонко понимает провинциальную психологию и рекомендует в психотерапевтически развивающихся странах осуществить программу «дедушек», по которой местным психотерапевтическим авторитетам не требуется, как начинающим, набирать 3000 часов, чтобы получить Европейский сертификат. Все вроде бы логично, да вот вопрос буквоедский покою не дает: кто и как черту будет проводить, отделяя заслуженных «дедушек» от прочего психотерапевтического люда? Ведь мягких дедушкинских пряников, по закону Окуджавы, на всех не хватит. Ссылки на самоочевидность авторитетов, звучавшие на февральской конференции ППЛ, не убеждают. Для меня, скажем, очевидно, что М.Е. Бурно Европейский сертификат безусловно заслуживает (менее очевидно, заслуживает ли сам этот сертификат чести быть врученным профессору Бурно). Но это для

меня, а если бы вышел спор, я должен был бы обосновать свое мнение книгами профессора, известными мне клиническими случаями, курсами лекций, учениками, которых он воспитал, и т.д. И по сути такое «доказательство» было бы самодельной **процедурой сертификации**, аналогичной по социальному смыслу публичной защите диссертации.

Думаю, развязать узлы проблемы можно, как раз выработав процедуру публичной сертификации. Здесь существенны оба слова. Во-первых, должна появиться именно *процедура*, то есть официальный стандартный порядок действий, участвуя в котором кандидат может подтвердить свою профессиональную квалификацию. Во-вторых, *публичность*. Этот аспект кажется мне чрезвычайно важным. Психотерапия становится и фактически стала уже особой профессией*. И профессия эта не естественнонаучная, не медицинская и, строго говоря, не психологическая, а в широком смысле слова гуманитарная. Всякая же развитая гуманитарная область, существенно влияющая на человеческое сознание, рано или поздно обретает свою критику (литературная критика, кинокритика и т. д.). Психотерапия слишком сильна, чтобы общество могло позволить ей существовать без критики, да и в интересах самой психотерапии такую критику развивать. Почему? По той причине, что психотерапия философична по своей сути, как бы ни был уверен иной «честный терапевт», что он не привносит в терапевтический процесс никакой философии и этики. Как изготовитель минеральной воды обязан писать на этикетке состав входящих в нее солей, так и психотерапевтам желательно «дать отчет в своем уповании», определить теоретическую и философскую соль применяемых ими методов. Но сделать это не так-то просто. Психотерапевтическая критика и должна существовать как особая дисциплина, выясняющая культурный смысл терапевтической практики.

Есть сама психотерапия, и есть рассказы о психотерапии. Предметом публичной критики должно быть и то, и другое. Могут возразить: «сама» психотерапия – дело слишком интимное, чтобы предъявлять ее для публичного обсуждения, слишком потому непонятное внешнему взору, чтобы он мог адекватно и точно оценить ее. Думаю, однако, что интимность психотерапии нельзя преувеличивать и превращать в нечто священно-таинственное. Во всяком случае, психотерапевтическим звездам первой величины вполне удавалось на-

---

* Психотерапия как отдельная профессия – одна из главных идей Европейской ассоциации психотерапии. Значение этой идеи для развития психотерапии трудно переоценить.

глядно и убедительно представить публике и образцы своей работы, а не только рассказы о ней.

Разработать такую публичную процедуру защиты психотерапевтического мастерства не так уж трудно, намного труднее найти общезначимые критерии оценки. Одна из сложностей состоит в том, что критерии анализа и интерпретации клинического случая существенно зависят от принадлежности к той или иной психотерапевтической школе как оцениваемого, так и оценивающего. В сложившейся практике сертификации психотерапевтов на Западе доминирует школьный принцип. Претендент получает сертификат не как психотерапевт, а как психоаналитик, бихевиоральный терапевт и т.д. Хотя и на Западе существует серьезная интегративная тенденция, но ей преодолеть школьный принцип не по силам, ибо за ним стоят не только теоретические и философские убеждения, но и экономические интересы (длительные и дорогостоящие школьные образовательные программы, привилегированный доступ к оплате определенного вида психотерапии из страховых касс и т.д.). У нас же пока еще есть возможность не допустить фетишизации школьного принципа и ввести нормальное соотношение «специальность – специализация», при котором были бы сформулированы общие требования к специальности «психотерапевт», независимо от того, каким методом он преимущественно пользуется и с каким контингентом пациентов работает.

Из трех обсуждаемых проблем отечественной психотерапии – идентичности, образования и сертификации – последняя представляется в данный момент ключевой. От ее решения зависят дальнейшие пути развития психотерапии в стране.

Именно поэтому на весенних заседаниях Собрания московских психотерапевтов «Психотерапевтический цех» была избрана комиссия по разработке Российской системы сертификации по психотерапии. Комиссия пока лишь приступила к работе и не успела выработать согласованную программу, поэтому на этих страницах я выражаю лишь персональное видение первоочередных задач сертификационного процесса.

Предмет сертификации. Необходимо ответить на вопрос, что именно может быть предметом сертификации. Мне кажется осмысленным включить в список предметов сертификации личное мастерство психотерапевта, преподавательское искусство, образовательные программы и образовательные учреждения, возможно – издания профессиональной литературы.

Психотерапевтический классификатор. Для построения сертификационной системы необходимо создать класси-

фикатор профессии, описывающий существующие или проектируемые в области психотерапии специальности, специализации, направления и т.д. Кроме этой вариативной горизонтали классификатор должен содержать и иерархическую вертикаль, фиксирующую уровни квалификации специалистов и уровни аккредитации учреждений и программ. Кроме того, важно, чтобы классификатор был принципиально совместим с государственными форматами РФ и международных организаций.

Стандарты. Необходимо прежде всего выработать образовательные стандарты, определяющие образовательный ценз для получения сертификата того или другого уровня и направления. При этом в идеале каждому учебному курсу, попадающему в образовательное пространство, может присваиваться свой сертификационный вес, т. е. максимальное число баллов, которые может получить обучающийся в случае успешного завершения курса. Кроме образовательных стандартов необходима разработка научных, клинических, издательских стандартов и этического кодекса.

Процедура. Повторим: одной из первоочередных задач является разработка и апробация публичной процедуры сертификации.

Субъект. Субъектом сертификации должно быть, на мой взгляд, профессиональное сообщество в лице избираемой сертификационной комиссии (нечто вроде негосударственного психотерапевтического ВАКа).

Статус. Если все названные задачи будут успешно решены и российская сертификационная система будет создана, потребуется специальная работа по укреплению ее статуса. Зависит же это укрепление от того, насколько зрелым окажется наше профессиональное сообщество, насколько требовательным к себе и готовым объединяться не только на основе ближайших выгод и интересов, но и на основе общезначимых ценностей.

Человек, окончивший Гарвардский университет, может рассчитывать, что его клиент, коллега, партнер или работодатель в любой стране мира сочтут его диплом достаточно надежным свидетельством профессионализма. Хотелось бы, чтобы и Российский психотерапевтический сертификат обрел когда-нибудь подобный авторитет в психотерапевтическом мире. Правда, Гарварду для достижения сегодняшнего статуса понадобилось 350 лет. Если считать, что год мы уже отработали, нам осталось 349. Во всяком случае, для психотерапевтической сертификации в России время пошло.